

Моей матери и моему отцу

Глава I

Я села в машину и выехала из Нью-Йорка, города, где прямо передо мной застрелился мужчина. Он был тучен, и кровь, хлынувшая из него, была похожа на свиную. Жестокая мысль, да-да, я в курсе. Человек сделал это в ресторане, где я ужинала с другим мужчиной, другим *женатым* мужчиной. Понимаешь, к чему я веду? Но я не всегда была такой.

Ресторан носил название «Пьядина». На голых кирпичных стенах висели фотографии старух-итальянок, катающих ньокки в огромных припудренных мукой пальцах. Я ела тальятелле болоньезе. Соус был густой, цвета ржавчины, а сверху его украшала яркая веточка петрушки.

Я сидела лицом к двери, когда вошел Вик. На нем был костюм — собственно, как обычно. Я только раз видела Вика в повседневной одежде, в футболке и джинсах, и это совершенно выбило меня из колеи. Уверена, он все понял. Руки у Вика были бледные и мягкие, и я не могла оторвать от них глаз.

Он никогда не был Виктором. Всегда — только Виком. Он был моим начальником, и долгое время — до того, как у нас все случилось, — я смотрела на этого мужчину с искренним уважением. Очень умный, чистюля, с приятным лицом. Ел и пил, как хищник, но в излишествах Вика присутствовало некое достоинство. Он не был жлобом, накладывал ложкой шпинат в сливках на тарелки всем остальным, и только потом — себе. Вик имел обширный словарный запас, аккуратный зачес, прикрывавший лысину, и роскошную коллекцию дорогих шляп. Еще у моего начальника было двое детей: девочка и мальчик. Сын страдал умственной отсталостью, и Вик не спешил делиться этой информацией со мной и другими подчиненными. На столе у него стояла только фотография дочери.

Вик водил меня по ресторанам — десяткам, сотням ресторанов. Мы ели стейк портерхаус в крупных заведениях «только для своих», где стояли красные банкетки, а официанты флиртовали со мной. Думали, наверное, что Вик — то ли мой отец, то ли муж, намного меня старше, а может, догадывались, что я — любовница. В каком-то смысле мы были друг для друга всем вышеперечисленным. Его настоящая жена сидела дома в Ред-Бэнке¹. Вик говорил: я знаю, ты мне не поверишь, потому что я такой толстяк, но моя супруга действительно красавица. На самом деле, никакой красавицей она не была. У жены Вика была слишком короткая для ее формы лица стрижка, а кожа — слишком белая для тех цветов, которые этой женщине нравилось носить. Этакая типичная хоро-

---

¹ Ред-Бэнк — округ в штате Нью-Джерси, США.

шая мать. Ей нравилось покупать маленькие солонки и турецкие полотенца, и в самом начале нашей с Виком дружбы, когда я бродила по городу и мне на глаза попадалась какая-нибудь бамбуковая солонка, я фотографировала ее и посылала боссу сообщение: *Твоей жене понравилось бы?*

Он говорил, что у меня замечательный вкус, но что это означает?

Дружба с человеком намного старше, который тобой любит, кажется такой безопасной. Где бы ты ни была, если что-то пойдет не так, можно просто набрать номер — и приедет мужчина. «Мужчиной, который приезжает» следовало бы быть отцу, но в то время у меня отца не было, как не будет его и у тебя.

В определенный момент я начала полагаться на Вика во всем. Мы работали в рекламной фирме. Он был креативным директором. У меня отсутствовал всяческий опыт, когда я начинала, зато имелся, по словам Вика, нужный талант. Начальник повысил меня, сделав из обычной помощницы копирайтером. Поначалу я млела от похвал Вика, а потом мне начало казаться, что я заслуживаю всего, что у меня есть и что он не имеет к этому никакого отношения. Чтобы так случилось, потребовалось несколько лет. В этом временном промежутке мы и стали любовниками.

Я многое могу рассказать тебе о том, каково спать с человеком, к которому ты не привязана. Такой секс — исключительно твое собственное дело, твое собственное тело и то, как оно выглядит со стороны, как двигается над мужчиной, который — для тебя — всего лишь зритель.

Тогда я не сознавала, как это на меня влияло. И заметила только спустя несколько лет, когда стала мыть-

ся в душе по три раза на дню, и мне все равно было мало.

Первый раз случился в Шотландии. Наша компания получила заказ от производителя пива «Ньюкасл», и Вик предложил мне возглавить проект, ездить на все совещания и приводить в движение шестеренки. Это был важный контракт, и остальные сотрудники исходили завистью. А я — новенькая: и в этой компании, и в этой работе вообще. Со мной перестали дружески заигрывать и начали вести себя так, будто я была исполнительницей экзотических танцев: одновременно дроча на меня и осуждая.

«Ньюкасл» поселила меня в роскошный отель на выезде из Эдинбурга. Холодный камень, большие окна, центральный вход — круглая площадка, усыпанная гравием. Из своего номера я смотрела на проезжавшие машины: и старые антикварные, и блестящие черные «Гелендвагены», и маленькие юркие серебристые «Порше». Кровать была укрыта клетчатым пледом, телефон — в форме уточки-кряквы. Номер в отеле стоил 1400 долларов за ночь.

Я провела в Шотландии около недели, и тут на меня начала наваливаться хандра. Я привыкла быть одна, но в чужой стране одиночество ощущается иначе. Солнце за все время ни разу не показалось — впрочем, дождя тоже не было. К тому же я была очень наивна и неопытна в работе, и представители «Ньюкасла» это видели. Я позвонила Вику в офис. Я не хотела плакать, но разревелась. Сказала, что скучаю по отцу. Разумеется, я скучала и по матери. Но совсем по-другому, и ты потом поймешь почему.

Вик прилетел в Шотландию следующим вечером. Его взятый в последнюю минуту билет стоил заоб-

лачных денег, 12 тысяч долларов с гаком, и мой босс заплатил за него из собственного кармана, потому что я до дрожи боялась, что наши коллеги решат, будто я заперола дело. Ни на какие совещания Вик не ходил. Лишь набрасывал для меня тезисы. Он снял для себя номер дальше по коридору. В первый вечер мы поужинали и выпили в лобби отеля и разошлись по своим комнатам. Но во второй вечер Вик проводил меня в мою.

Умные немолодые мужчины знают, как забраться тебе под юбку. Поначалу ты ничего не подозреваешь, может даже показаться, что это была твоя инициатива.

На мне было кремовое шерстяное платье, ноги — голые. Я никогда не носила ни колготок, ни леггинсов, даже зимой. Еще я надела черные туфли «Мэри Джейн» на высоком каблуке.

Вик был в костюме. Он всегда — неизменно — одевался, как мужчины из рекламы сигарет. Меня не влекло к Вику, но запах его одеколona действовал успокаивающе. Мы смеялись, идя по зеленому с золотом коридору. С нами разминулась какая-то пара, и я помню, как посмотрела на меня женщина. Это ощущение надолго осталось со мной.

В моем номере мы откупили две среднего размера бутылки красного вина из мини-бара и три самолетные бутылочки скотча, которые Вик выпил «в одно лицо».

Я не помню, как именно это началось, — наверное, сработал инстинкт самосохранения. Уверена, что немалая роль принадлежала мне, проверявшей границы своей сексуальной силы. Степень своей красоты. Но что я помню с безжалостной отчетливостью, так

это зеркало на стене напротив окон, из которых я целыми днями слышала, как похрустывали по гравию ухоженные машины. Я поднялась, чтобы взглянуть на себя, потому что Вик сказал, что у меня уголки рта перепачканы красным вином и что я похожа на наркоманку. Ха-ха, ответила я. Но этому мужчине никогда не удавалось заставить меня чувствовать себя уродиной.

Вик подошел к зеркалу и встал за моей спиной. Его голова рядом с моей выглядела ненормально огромной. Мои длинные темные волосы составляли элегантный контраст сливочному цвету платья. Мужчина положил одну руку мне на плечо, а другую на волосы рядом с ухом, наклонив мою голову в сторону. Я наблюдала за выражением глаз Вика, когда он коснулся тонкими губами моей шеи. От этого по позвоночнику вниз пробежала дрожь — отчасти от отвращения, но была в ней и непроизвольная сексуальная реакция. Вик снял с меня платье через голову. Я стояла в туфлях, белом кружевном лифчике и белых трусиках с маленькими красными бантиками по бокам. В те дни я еще наряжалась для кого-то, и мне нравилось верить, что этот кто-то — я. Однажды в небольшом магазинчике кухонной утвари в Сохо я купила фартук с принтом из кроликов, домиков и маленьких девочек, облизывающих мороженое в вафельных рожках.

Потом последовали поездки в Саюлиту и в Скоттсдейл за отличным спа. Там были ванные, отделанные голубым кафелем, и замечательно вкусные суши. Гуакамоле, который готовили прямо рядом со столиком, танцовщицы, исполнявшие танец живота, полное обслуживание.

Со временем отвращение окончательно меня одолело, но долгое время я с ним справлялась. Да и в целом телесности у нас было не так много. Тебе сойдет с рук много разных разностей, если будешь играть правильно. Особенно если мужчина женат — можно говорить о нравственности и о том, что подумал бы твой покойный отец. Можно заставить любовника испытывать трепет, когда он просто берет тебя за руку. А ты между тем проводишь время в теплых краях с пальмами и машинами для гольфа.

Все эти годы я не переставала встречаться с другими мужчинами. Была парочка увлечений, но ни одного по-настоящему серьезного. О некоторых я рассказывала Вику. Я утверждала, что это мои друзья, и позволяла ему самостоятельно справляться с подозрениями. Но в основном лгала. Говорила, что собираюсь встретиться с подругами, а потом ускользала из офиса и бежала к подземке, то и дело оглядываясь через плечо, боясь, что Вик последует за мной. Потом встречалась с каким-нибудь нехорошим парнем, а мой босс ехал домой и патрулировал интернет, ища признаки моего присутствия в соцсетях. Писал мне около одиннадцати: *Что подельываешь, ребенок*. Вопросительный знак не ставил, чтобы было меньше похоже на допрос. Когда тобой одержим немолодой мужчина, начинаешь понимать человеческую природу на клеточном уровне.

Статус-кво был терпимым. Мы оба получали то, в чем нуждались, хотя я могла бы без Вика обойтись. Вот только оказалось, что он без меня не мог. Свои отношения со мной Вик уподоблял легенде об Икаре. Он был Икар, а я — солнце. От такого сравнения,

в которое я искренне верила тогда и продолжаю верить сейчас, мне становилось дурно. Какой девушке приятно быть солнцем над землей, которую и посещать-то не хочется?

Несколько лет все шло отлично, пока не появился тот мужчина из Монтаны. Я называла его Биг-Скай — Бескрайнее Небо — и поначалу так же звал его Вик. Я столкнула своего любовника в глубины того, что способен стерпеть мужчина. Не советую тебе поступать подобным образом, и ты должна знать, что это делает с человеком.

Я думаю, что тем вечером Вик пришел застрелить *меня*, — вот что я думаю.

Глава 2

Если бы кто-нибудь попросил меня описать себя одним словом, я бы сказала — *развращенная*. Развращенность была мне на руку. В каком плане, я не могу сказать. Но я выжила, пройдя через худшее. *Выжившая* — второе слово, которое я бы использовала для себя. Я уже сталкивалась с тяжелой смертью, когда была ребенком. Я расскажу тебе о ней, но вначале хочу поведать о том, что последовало за вечером, который изменил ход моей жизни. Я сделаю это так, чтобы ты могла придержать свое сочувствие. Или, может быть, не испытать никакого сочувствия вообще. Я не против. Куда важнее развеять несколько заблуждений — в основном касающихся женщин. Я не хочу, чтобы ты продолжила замкнутый круг ненависти.

Меня называли шлюхой. Меня осуждали не только за то, что я сделала другим, но и — как это ни жестоко — за то, что случилось со мной.

Я завидовала людям, которые меня клеймили. Тем, кто проживал свою жизнь чистоплотно и предсказуе-